

Серия «Современная библеистика»

В этой серии издаются книги крупнейших мировых и отечественных библеистов. Серия включает фундаментальные труды по текстологии Ветхого и Нового Заветов, истории создания библейского канона, перевода Библии, а также исследования исторического контекста библейского повествования. Эти издания могут быть использованы студентами, преподавателями, священнослужителями и мирянами для изучения текстологии, исагогики и экзегетики Священного Писания в свете современной науки.

Другие книги автора в издательстве ББИ:

Божья любовь в псалмах (2014)

Кто такие пророки? (2015)

Alberto Mello

LA PASSIONE DEI PROFETI

Temi di spiritualità profetica

Edizioni Qiqajon
Comunità di Bose

Альберто Мелло

СТРАСТИ ПРОРОКОВ
Темы пророческой духовности

ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА

ББК 86.37
УДК 276
М 478

Перевод с итальянского Арсения Соколова

Данный перевод книги Альберто Мелло
La passione dei profeti. Temi di spiritualità profetica
публикуется с согласия автора

Мелло Альберто

Страсти пророков. Темы пророческой духовности / Пер. с ит.
(Серия «Современная библеистика»). – М.: Издательство ББИ, 2016. – viii + 197 с.

ISBN 978-5-89647-354-1

Новое исследование известного современного библеиста Альберто Мелло представляет столь далеких от нас и малопонятных библейских пророков близкими и понятными, дает ключ к новому прочтению и осмыслению их книг. Автор убедительно показывает: идеал пророков – не бесстрашие, не апатия, а – симпатия, сострадание. Сострадание Богу и человеку.

Верстка и обложка: Элла Раскина

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме, включая размещение в сети интернет, без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Edizioni Qiqajon, Comunità di Bose, 2000
© Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2016
ул. Иерусалимская, д. 3, Москва, 109316
standrews@standrews.ru, www.standrews.ru

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие к русскому изданию</i>	vii
МОЖЕТ БЫТЬ	1
ВЕТЕР, ДЫХАНИЕ, СТРАСТЬ.....	17
РАЗЛИЧЕНИЕ ДУХОВ.....	37
ПРОРОЧЕСКИЕ ХАРИЗМЫ.....	53
ДУХ ПРЕМУДРОСТИ	67
ВЕРА И ЗНАНИЕ.....	79
ХОДИТЬ СМиренно.....	95
ПРОРОЧЕСКОЕ ПРИЗВАНИЕ.....	109
ИСТИННОЕ И ЛОЖНОЕ ПРОРОЧЕСТВО	125
ЛЮБОВЬ, ВОЗМОЖНАЯ НЕСМОТРЯ НИ НА ЧТО	143
ДЫХАНИЕ ЖИЗНИ.....	159
ДУХ СВЯТОЙ.....	173
<i>Примечания</i>	187
<i>Библиография</i>	192

Счастлив, что благодаря доверию и вниманию издательства Библейско-богословского института св. апостола Андрея и переводческой компетентности игумена Арсения моя книга «Страсти пророков» увидела свет в России. Вместе с двумя предшествующими книжками – «Божья любовь в Псалмах» и «Кто такие пророки?» – она, таким образом, составила своеобразную трилогию.

Последняя из выходящих, но первая из написанных, эта, доступная теперь русскому читателю, книга посвящена исследованию путей пророческой духовности. Что означают эти слова «ветер», «дыхание» или «страсть», с помощью которых мы пытаемся приблизиться к переводу еврейского термина *ruach*? Каковы пророческие харизмы, от Моисея до Иоилия? Как определить «дух премудрости», в котором заключается опыт Илии? И еще: что такое различение духов? как определить истинность или ложность пророчества? каков смысл пророческого

призвания? Эти вопросы смиренно ищут своих ответов в этой книге.

Святой Дух Божий, «Дыхание жизни» не перестает говорить устами людей, слышащих слово Божье – от Ветхого Завета к Новому. Хождение в этом «духе пророчества» ведет нас к осознанию настоящего, к решительности в наших поступках, к познанию того смысла, который имеет в очах Божьих сегодняшний день. Это такое видение людей и вещей, какое в евангельских повествованиях присуще Иисусу, и мы научимся этому видению лучше, если не будем отрывать Благоую весть Христову от основы пророческого слова, которое ее предвозвестило, если оставим открытым диалог между Ветхим и Новым заветами, между Израилем и Церковью. Этот диалог в Евангелиях молчаливо ведут Иисус, Моисей и Илия (закон и пророки) на горе Преображения.

Альберто Мелло,
Иерусалим, 1 мая 2016 г.,
Пасха Христова по православному календарю.

МОЖЕТ БЫТЬ

Введение

Пророки VIII и VII веков до н.э., то есть великие классические пророки от Амоса до Иеремии (за исключением одного лишь Исаяи), не кажутся находящимися в большой симфонии с Духом – они почти не говорят о *ruach*. Этот факт вызывает вопрос, требует какого-то объяснения¹.

Амос, первый пророк-«писатель» (или, лучше, первый пророк, чьи пророческие речи записаны) говорит лишь однажды о *ruach* и, как кажется, имеет ввиду не что иное, как только ветер:

*Вот Он, который образует горы,
и творит ruach,
и объявляет человеку намерения его*
(Ам 4:13).

Необходимо заметить, что это первый текст, в котором говорится о божественном происхождении «Духа», сотворенного Богом (глагол *bara'* является исключительно богословским глаголом). Действительно ли здесь *ruach* не означает ничего, кроме ветра? *Ruach* стоит в параллели с намерениями человека, то есть имеет направленность на внутренний мир человека. Тот, кто «объявляет человеку намерения его», открывает то, что у него на уме – Тот же, кто «творит Дух». Пожалуй, мы здесь недалеко от Павлова утверждения, согласно которому «испытующий сердца» знает и о том, «какая мысль у Духа» (Рим 8:27). Сотворившему человеческий дух ведомы движения человеческого сердца.

Итак, этот единственный случай употребления термина *ruach* в книге Амоса вовсе не банален, редкое его употребление отнюдь не умаляет важность темы. Но подлинная загадка Амоса – в другом: в том, что он, кого считают первым классическим пророком Ветхого Завета, как кажется, решительно отказывается от пророческой квалификации, по крайней мере, в том значении, каковой она представлялась до него.

Все мы помним о известной ссоре пророка Амоса со бейт-эльским священником. В чем обвиняет его

Амасия? Не менее как в заговоре против царского дома (Ам 7:10). Это политическое обвинение в государственной измене: «составлять заговор» означает не что иное, как замышлять убийство царя (ср. 3 Цар 15:27; 16:9). Не следует думать, что и так называемые «сыны пророческие» не могли быть причастны к заговорам: достаточно посмотреть на ту роль, которую играет Елисей в отношении последнего царя из династии Омридов (4 Цар 9).

На этом фоне отказ Амоса выглядит очень рельефно и звучит так: «Не пророк я (*lo' navi' anokhi*), – и немедленно добавляет, во избежание недоразумений, – и не сын пророка». Раши интерпретирует: «Я не отношусь к вашим ложным пророкам, которым платят за то, чтобы они пророчествовали». Другими словами, говорит Амос, я не профессиональный пророк, я был лишь пастухом и т.д.

Почти все современные экзегеты понимают термин «сын пророка» (*ben navi'*) в фигуральном смысле, как принадлежность пророческой группе, связанной с местными святилищами, в том числе святилищем в Бейт-Эле, члены которой действительно определяли себя как «сыны пророческие» (ср. 3 Цар 20:35. 4 Цар 2). Все заставляет думать, что Амос оперирует четким обозначением границ

предшествовавшего ему пророчества, тех пророческих корпораций, которые носили энтузиастический и нередко резко политический характер. Этим можно объяснить его сдержанность по отношению к профетизму *духа* и почти полное отсутствие в его пророчестве термина *ruach*.

Но прежде чем сделать какое-то заключение, необходимо обратить внимание на отношение к этой теме двух других пророков VIII века, Осии и Михея (Исайя, как было сказано, находится в стороне). У Осии мы находим хорошо известные идиоматические выражения «сеять ветер, пожинать бурю» (Ос 8:7), «пасти ветер» (Ос 12:2), но в обоих случаях *ruach* не превосходит семантической области атмосферного явления, которым изображается неосновательность, ненадежность. Единственное интересующее нас употребление термина – здесь:

*Пришли дни посещения,
пришли дни воздаяния:
да узнает Израиль,
что глуп прорицатель,
безумен выдающий себя за вдохновенного**

* Выдающий себя за вдохновенного. В евр. тексте – *ish ha-ruach*,

*по причине множества беззаконий твоих
и великой враждебности*

(Ос 9:7).

Из этого текста неясно, говорит ли пророк Осия о себе или о ком-то другом, о преследованиях и враждебности, которые он претерпел, или о наказании, которое сделает глупыми и безумными других пророков. В пользу первого понимания, быть может, говорит содержание следующего стиха, в котором кажется наиболее вероятным, что пророк, о котором говорит Осия, – это он сам:

*Ефрем – страж подле Бога моего;
пророк – сеть птицелова на всех путях его
соблазн в доме Бога его*

(Ос 9:8).*

*человек духа (слов выдающий себя за в евр. тексте нет вообще). –
Здесь и далее под знаком * даются примечания переводчика.*

* У Мелло: Страж Ефрема / с Богом моим – пророк: / сеть птицелова на всех путях его, / соблазн в доме Бога его (Ос 9:8). Перевод, который предлагает автор, своей интерпретацией отличается как от основных итальянских, так и от русских переводов этого стиха.

Но текстуально и этот пассаж ненадежен. Лично я считаю невозможным, чтобы «глупого пророка» или бредящего «человека духа» («вдохновенного») можно было бы идентифицировать с Осией. Мне кажется более логичным считать, что он здесь говорит о профетизме, отличном от своего. В этом случае вполне правдоподобно, что выражением *ish ha-ruach* квалифицируется какой-то бредовый или энтузиастский пророческий опыт, например, опыт «сынов пророческих», предшественников Осии. Таким образом, еще раз подчеркивается полное разграничение с *ruach*-профетизмом.

У пророка Михея более богатая документация, хоть ее и нелегко прочесть. Нелегко прежде всего потому, что в его дискурсе дают себя услышать голоса других пророков, которых мы сегодня спешим называть «ложными», но в то время они, как и Михей, говорили во имя Божье (и трудность, и экзегетическая неясность, с которой мы отделяем их от Михея, – очень поучительны). Начнем с наиболее простого примера:

Если бы какой-либо ветреник
выдумал ложь и сказал:*

* *Ветреник*. В евр. тексте: *ish holekh-ruach*, человек, идущий за духом (или ветром).

*«я буду проповедовать тебе о вине и сикере»,
то он был бы угодным проповедником
для этого народа*

(Мих 2:11).

Здесь нет сомнений, различие ясно: такое «пророчество» действительно не подлинно, поскольку обретается в пьяном состоянии. Слова, переведенные через «пророк» и «пророчествовать»* – не те, которые используются обычно и происходят от корня *n-b-*, но другие, происходящие от корня *nun-teth-pe* («капать», в переносном смысле – «пускать слюни», «нести бред»), то есть они, по сути, уничижительны. «Ветер и ложь» – почти гендиадис, это можно перевести как «дух лжи», как в 3 Цар 22:22-23. В любом случае, *ruach* здесь – это «неуловимый элемент, символ лжи, пустоты, ничтожности и глупости того, кто проводит свое время, гоняясь за ним»².

А теперь вернемся на несколько стихов назад. Звучит голос, отличный от голоса пророка:

Не пророчествуйте, пророки!

Не пророчествуйте им,

* Так у Мелло. В русском Синодальном переводе Мих 2:11: «проповедник» и «проповедовать»

чтобы не постигло вас бесчестие.
О, называющийся домом Иакова!
Разве умалился *ruach* Господень?
Таковы ли действия Его?
Не благотворны ли слова Мои
для того, кто поступает справедливо?
(Мих 2:6-7).

Понять это место исключительно трудно: где заканчиваются слова пророков, которые приказывают Михею не пророчествовать больше о бедствии? Здесь требовался бы терпеливый анализ, такой, какой проделал Альверо Никкаччи³. Ограничусь тем, что суммирую его выводы: речь самого пророка начинается лишь в конце, от слов «Не благотворны ли», которыми вводится правильное утверждение, понимаемое как опровержение предыдущих слов (похожий случай в Ис 58:5-6). Другие вопросы, включая вопрос о *ruach* (тот из редких случаев, когда это слово стоит в мужском роде), задают противники Михея.

Что означает «умаленный» *ruach*? Может означать две вещи. Или «короткое дыхание», то есть нетерпение. Можно сказать, что, согласно пророкам мира, Бог еще не потерял терпения по отношению

ко грехам своего народа. Или же *ruach* здесь – синоним «руки», и тогда выражение будет эквивалентно «короткой руке», то есть бессилию. Пророки, противостоящие Михею, говорят: Бог еще силен вмешаться и освободить свой народ.

Следует заметить, что оба эти утверждения – совершенно ортодоксальны. «Ложные» пророки не говорят здесь каких-то глупостей, они произносят правильные вещи, но только не в то время: говорят о мире и о спасении в тот момент, когда следовало бы предупреждать о несчастье (ср. Мих 2:1-5). Но что отвечает Михей своим собеседникам, тем, которые так безосновательно полагаются на «Дух»? Мои слова, отвечает он, плохи, но плохи не для всех. Они плохи лишь для тех, кто ведет себя плохо. А для тех, кто поступает правильно, они, напротив, благотворны.

Верно, Дух Господень никогда не бывает короток: Он всегда способен вмешаться, помочь, спасти. Но надежда на Духа не должна становиться неким алиби, освобождающим от соблюдения слова Божьего, от совершения правосудия, от правильного поведения. Это вводит в пророческий дискурс совершенно человеческую переменную, соответствующую еврейскому наречию *ulay*, «может быть». Нельзя говорить просто, как это делают пророки мира: конеч-

но, мы будем спасены. Надо говорить: *может быть* будем спасены. Не все зависит от Бога, кое-что зависит и от нас.

У трех упомянутых выше пророков представлены, у кого-то более, у кого-то менее, все критические элементы, отличающие их от опыта предшествовавших им пророков. В основе этого отличия, которое сколь психологическое, столь и духовное, лежит также социологический фактор, который следует обозначить. Между IX и VIII веками произошли большие исторические и политические изменения. Пророк – всегда «посланник» Бога, *mal'akh* – то же слово, которым обозначается ангел. Формула, которой он себя представляет, «так говорит Господь» – формула посланника, того, кто сообщает слово другого, даже когда делает его своим собственным, говоря от первого лица.

Посланник – это посредническая фигура, прежде всего между сувереном и вассалом. В доклассический период пророк являлся посредником между Богом-Царем и тем, кто царствовал в Иудее или Израиле. Схема, более или менее, такова⁴:

СУВЕРЕН - ПОСЛАННИК - ВАССАЛ

В случае нарушения субординации или в случае мятежа наказывался или устранялся только вас-

сальный царь. Поэтому пророк обращается только к нему и поступает в этом случае в полном соответствии с современной ему политической практикой. Самуил, Илия, Елисей направляются к царю, доходят даже до смещения последнего, но не обращаются напрямую к народу, не имеют послания, которое они должны были бы сообщить всем соотечественникам. По этой причине говорится большей частью об их действиях, а не о словах.

В VIII веке, вместе с новой внутренней ассирийской политикой, согласно которой депортации стали подвергаться уже не только вассальные цари, но и все население, пророческая схема меняется и становится иной:

СУВЕРЕН - ПОСЛАННИК - НАРОД

Другими словами, меняется адресат пророческой вести. Хороший пример этого изменения – речь ассирийского генерала, предпочитающего говорить по-еврейски, а не по-арамейски, чтобы быть понятным не только иерусалимскими правителями, но и всем попавшим в окружение народом (4 Цар 18:17 и дал.). Поэтому и пророки VIII века обращаются уже к народу, а не к одному только царю, и речи их оказываются сохраненными внутри народа. Создается народная традиция, и именно ею лучше всего

объясняется распространение пророческих слов в письменном виде, чего не было в случаях с предшествующими пророками, хоть те и не были менее значимыми.

Эта новизна имеет очевидное психологическое отражение. Обращаясь к народу, пророки ассирийской, а затем вавилонской эпохи, несомненно, ближе к нему настолько, насколько угроза нашествия и переселения становится все более неотвратимой. Неверно, что они провозглашают лишь «конец» Израиля, и баста. Они видят опасность и делают все, чтобы оттянуть ее или, если это еще возможно, устранить. Нельзя и выразить в достаточной мере, сколь глубоко они вовлечены в дела своего народа.

Итак, мы возвращаемся к той грамматической частице, которую Андрэ Неер считает самым важным словом во всем пророческом языке – к наречию *ulay*, «может быть»:

*Возненавидьте зло и возлюбите добро,
и восстановите у ворот правосудие:
может быть, Господь Бог Саваоф
помилует остаток Иосифов*

(Ам 5:15).

«Может быть», еще не все потеряно. «Может быть», обращение и спасение все еще возможны. Пророк должен сделать все, чтобы продлилось это «может быть», чтоб удержать отверстой щель, предоставляющую народу еще один шанс. Хотя пророческое слово может быть исключительно требовательным, порой суровым, несмотря ни на что оно остается открытым к некоей неисследованной возможности, ко все еще возможному будущему.

Наречие *ulay* встречается в Библии более сорока раз, очень часто – в пророческой литературе. Попутно отметим, что его греческий эквивалент *tacha* в переводе LXX почти отсутствует: появляется только дважды, да и то в исключительно греческой Книге Премудрости. В Новом Завете им пользуется только Павел. Это означает, что всякий раз, когда греческие переводчики встречали в еврейском тексте это наречие, они парафразировали его, чаще всего вводя предложение следствия. Так, в греческом тексте Ам 5:15 находим: «*Чтобы* Господь Бог Саваоф помиловал остаток Иосифа». Такая замена сильно умаляет эффект неизвестности, содержащийся в еврейском термине.

Кроме процитированного текста из Амоса предлагаю прочесть некоторые другие: Ис 37:4. Иер 21:2;

26:3; 36:3,7. Иез 12:3. Ион 1:6. Соф 2:3 и поразмыслить над возможностями, оставленными человеку этим пророческим «может быть». Говорится всегда об *extrema ratio* – о последней и недоказуемой возможности. Когда буря топит корабль, на котором находится Иона, капитан будит пророка и говорит ему: «Что ты спишь? Встань, воззови к Богу твоему: *может быть*, Бог вспомнит о нас, и мы не погибнем» (Ион 1:6). Пророческое «может быть» – всегда вопрос жизни и смерти.

Подумаем также о том, что сказано перед яростной речью Иеремии против храма: «*Может быть*, они послушают и обратятся каждый от злого пути своего, и тогда Я отменю то бедствие, которое думаю сделать им» (Иер 26:3). Здесь неясность, связанная с обращением Израиля, соответствует крайней маловероятности Божьего раскаяния, та и другая – *extrema ratio*.

Ничто никогда не гарантировано. И тот, кто питает более чем основательную надежду на правильность своего поведения, не может быть уверен в том, что спасение у него в кармане, что он останется невредим во время Божьего гнева:

*Взыщите Господа,
все смиренные земли,*

*исполняющие законы Его;
взыщите правду, взыщите смиренномудрие:
может быть, вы укроетесь
в день гнева Господня*

(Соф 2:3).

Пророческое «может быть» подразумевает полное незнание, оно эквивалентно другому выражению – *mi yodea'*, «кто знает?» Пророк – это не гадалец, он может и не знать. *Pro-phetes*, как это хорошо известно – вовсе не тот, кто *пред-сказывает* будущее, но тот, кто *pro-сказывает*: кто говорит от имени другого. Для еврейского пророчества характерно не *пред-знание* будущего, но глубокое *распознавание* настоящего Божьим взглядом. «О дне же том и часе никто не знает, ни ангелы небесные, а только Отец Мой один» (Мф 24:36).

Но это совсем не значит, что неизвестно совсем ничего. Точно известно, что надобно делать сегодня. Нужно исполнять сегодня то, что требуется, без претензий на возможность подсчета, какие успехи наши действия принесут в будущем. «Может быть» означает отказ от ясности, от требования верификации будущего. Держаться настоящего: быть готовыми рисковать, иметь мужество действовать, каким бы ни

был результат, который будет виден только завтра. Андрэ Неер выразил это столь восхитительно, что было бы хорошо выучить его слова на память:

Может быть, следующей весной из этой борозды выйдет хлеб. Может быть, напротив, придут засуха и град и следующая весна будет лишь разложение и смерть. Какая разница?! Какая разница, когда дело сделано? Значение имеет не урожай, значение имеет сеянье – в риске, в слезах. Надежда не в улыбках и не в избытке. Надежда – в слезах, в риске и в их молчании⁵.